

6835

БОРОЗДИН А.К.

Литературные характеристики

XIX век

Т.1

СПб: 1911

Б4

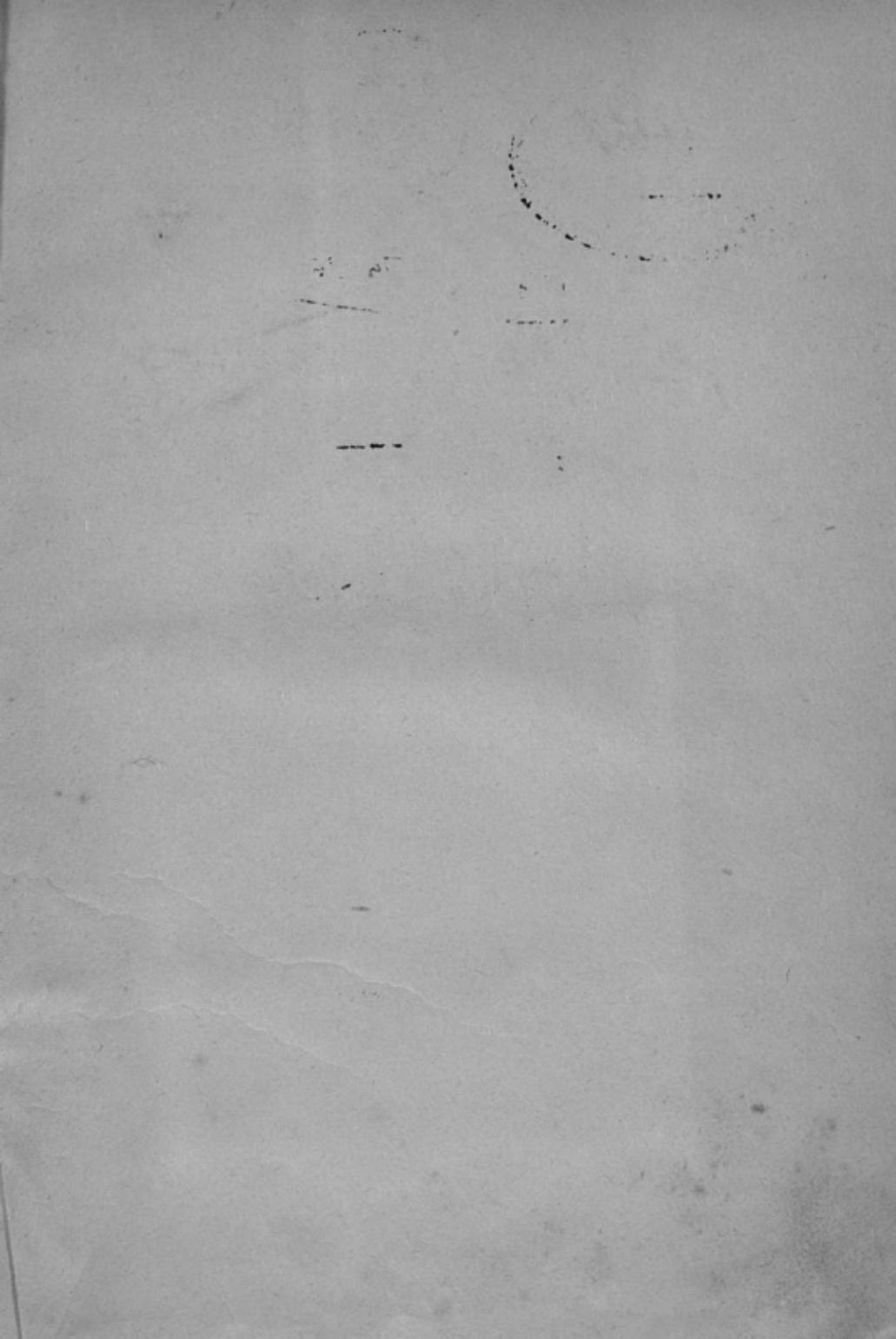

Библиотека
в
каталог

10/11² 9M Сивенко

№ 33854

исс. к. и. н.
54/11

Бороzdин Александр

Корнилович

1863-1918

История

литературы

А. К. БОРОЗДИНЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Девятнадцатый вѣкъ.

Томъ I.

Издание второе, дополненное.

Книгоиздательство „УЧЕБНИКЪ“.

Изданія М. В. ПИРОЖКОВА.

- Бальмонтъ, К. Д. Три расцвѣта. 60 к.
- Бердяевъ, Н. Новое религиозное сознание и общественность. 1 р. 50 к.
- Бердяевъ, Н. Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, социальныя и литературныя. 2 р.
- Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Деятнадцатый вѣкъ. Томъ II. Съ 18 портретами. Вып. I и II по 1 р. 75 к.
- Бороздинъ, А. К. (подъ ред.). Изъ писемъ и показаній декабристовъ. 1 р. 25 к.
- Брикнеръ, А. Г. Смерть Павла I. 1 р. 25. к.
- Бурггардъ, Я. Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Въ 2 тт. Ц. за оба тома 5 р.
- Бѣлозерскій, Н. (Ив. Порошинъ). Записки учителя. Въ 2-хъ ч. 75 к.
- Вандаль, А. Возвышеніе Бонапарта. 2 р.
- Введенскій, А. проф. Философскіе очерки. 1 р.
- Войтинскій, Вл. Рынокъ и цѣны. 2 р.
- Гиппиусъ, З. (Мережковская). Новые люди. 2-ое изд. 1 р. 50 к.
- Діонео. На темы о свободѣ. Сборн. ст. ч. I-я 1 р. 25. к.
- Діонео. На темы о свободѣ. Сборн. ст. ч. II-я 1 р. 25 к.
- Ефименко, А. Южная Русь. 2 тома 4 р.
- Жаковъ, К. Ѳ. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на Сѣверѣ. 40 к.
- Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). „Встрѣчи и воспоминанія“. Изъ литературнаго и военнаго міра. 1 р. 75 к.
- Кеннанъ, Дж. Сибирь. 2 тома по 75 к.
- Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ). Очерки французской общественности. 1 р. 25 к.
- Лемне, Мих. Думы журналиста. 1 р. 25 к.
- Лемке, Мих. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портр. и 81 кар. 3 р.
- Лемне, Мих. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 4 портр. 3 р.
- Лемке, Мих. Ник. Мих. Ядринцевъ. Биограф. очеркъ. 1 р. 50 к.
- Лѣзббокъ, Джонъ. Шесть главъ популярной естественной исторіи. 60 к., въ изящн. пер. 95 к.
- Майковъ, М. П. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1826—1882. 3 р. 50 к.
- Мало, Генторъ. Приключенія Романа Кальбри. Въ роскош. перепл. 1 р. 75 к.
- Мережковскій, Д. С. Трилогія „Христось и Антихристъ“, въ 3 частяхъ:
I. Смерть боговъ (Юліанъ Отступникъ). 3-е изд. 1 р. 25 к., въ изящномъ изд. 2 р.
II. Воскресшіе боги (Леонардо да-Винчи). 3-е изд. 2 р. 50 к., въ изящн. изд. 3 р. 50 к.
III. Антихристъ (Петръ и Алексѣй). 2-ое изд. 2 р. Въ изящн. изд. 3 р.

А. К. БОРОЗДИНЪ.

891.74
Б-836

~~44077~~

ВЕСИ. ЛИН

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Деятнадцатый вѣкъ.

N 33854.

Томъ I

~~77696~~

Издание второе, дополненное.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
Площадь Лассаля, д. 3.

Книгоиздательство „УЧЕБНИКЪ“.

[1911]

ЛЦБ 1934 г. Прозарств

Июль 1936 г.

ИЮЛ 1939

69
2000

1948

90

2007

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литография «ЭНЕРГИЯ», Загородный пр., 17.

1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія	1
Александръ Николаевичъ Радищевъ	19
Литературные и общественные взгляды Карамзина . .	50
Адмиралъ А. С. Шишковъ	104
Романтизмъ	115
Поэзія В. А. Жуковского	126
Крыловъ и Грибоѣдовъ	152
Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина. . . .	173
А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности	189
Поэтъ „гражданской скорби“ двадцатыхъ годовъ. . .	217
Критическія обзорѣнія А. А. Бестужева.	235
Журналистъ двадцатыхъ годовъ	248
Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ	265
Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество	309
Гоголь и русская повѣсть	323
Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій	330
Трудъ В. И. Семеваго по исторіи крестьянскаго во- проса въ Россіи.	356

ОТЧЕТЫ

174	Труды, подготовленные в течение отчетного периода
XIX отчет	
175	Академик Никольский Н. П.
176	Инженеры и ученые сотрудники Академии
177	Академик А. С. Давыдов
178	Полковник
179	Инженер В. А. Жуковский
180	Инженер в отпуске
181	Инженер-технолог академик А. С. Давыдов
182	А. С. Давыдов в работе за отчетный период
183	Поступившие в отчетный период, заслужившие похвалы
184	Кандидаты в члены Академии А. Давыдов
185	Кандидаты в члены Академии
186	Министры Государства
187	Важнейшие события в области техники
188	Труды в отпуске
189	Доклады Академии в отчетном периоде
190	Труды Б. М. Овсянкова по истории воздухоплавания
191	Конец отчета

Выпуская въ свѣтъ новое изданіе моихъ „Литературныхъ характеристикъ“, кромѣ отдѣльныхъ частичныхъ исправленій, я внесъ въ настоящій томъ нѣкоторыя новыя статьи. Очеркъ „Поэзія М. Ю. Лермонтова“ вошелъ въ составъ біографіи поэта, приложенной къ вышедшему въ 1907—8 г.г., подъ моей редакціей, собранію его сочиненій, которая поэтому здѣсь и перепечатывается. Вновь помѣщаются въ этомъ томѣ статьи: „Александръ Николаевичъ Радищевъ“, „Адмиралъ А. С. Шишковъ“ и „Гоголь и русская повѣсть“. Относительно статьи о Радищевѣ можно было бы сказать, что ей не мѣсто въ этой книгѣ, такъ какъ Радищевъ принадлежитъ къ писателямъ XVIII вѣка; тѣмъ не менѣе я счелъ полезнымъ включить его біографію на томъ основаніи, что высказанныя имъ освободительныя идеи нашли живой откликъ и въ нѣкоторой мѣрѣ осуществились именно въ XIX столѣтіи, являясь однимъ изъ основныхъ элементовъ политическаго міросозерцанія русской передовой интеллигенціи.

А. Бороздинъ.

Предисловіе къ первому изданію.

Обстоятельная, строго-научная исторія нашей литературы XIX вѣка пока составляетъ задачу, можетъ быть, не особенно близкаго будущаго; для такой работы мы не обладаемъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, такъ какъ многіе источники хранятся въ недоступныхъ официальныхъ и частныхъ архивахъ, прямо являются секретомъ для изслѣдователей; кромѣ того требуется много частныхъ подготовительныхъ работъ, потому что выясненія иноземныхъ вліяній, безъ изученія той обстановки, въ которой приходилось дѣйствовать нашимъ писателямъ, всякіе общіе выводы будутъ только гадательными; наконецъ, чуть ли не самымъ важнымъ препятствіемъ для составленія исторіи русской литературы истекшаго вѣка слѣдуетъ считать невозможность объективнаго отношенія къ ея явленіямъ послѣднихъ десятилѣтій. Абсолютная объективность, конечно, никогда не будетъ возможной, такъ личность историка такъ или иначе неизбежно выражается въ его трудѣ; но нѣкоторое приближеніе къ идеалу объективнаго воссозданія прежней жизни необходимо; между тѣмъ, когда приходится говорить о фактахъ столь близкихъ, какъ литературныя явленія восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, историкъ слишкомъ часто рискуетъ обратиться или въ панегириста, или, наоборотъ, въ суроваго порицателя. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ страдаетъ правда, которая должна быть единственною цѣлью историка.

Отвергая такимъ образомъ возможность составленія въ настоящее время полной исторіи русской литературы XIX вѣка, смѣю думать, что выпускаемое теперь въ свѣтъ собраніе моихъ историко-литературныхъ очерковъ не будетъ совершенно излишнимъ. Можетъ быть, кое-что въ этой книгѣ найдетъ для себя и специалистъ, для читателя же не специалиста мои „характеристики“, можетъ быть, послужатъ пособіемъ къ тому, чтобы разбраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія. Составилась эта книга частью изъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, частью изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ мною въ послѣдніе годы, частью изъ моихъ университетскихъ курсовъ; многія же характеристики написаны

вновь для настоящего издания. Въ первый томъ вошли очерки, посвященные писателямъ первой половины XIX вѣка, и заканчивается этотъ томъ очеркомъ о трудѣ В. И. Семейскаго о крестьянскомъ вопросѣ, потому что этотъ вопросъ интересовалъ всѣхъ лучшихъ людей той эпохи, и разрѣшеніе его было первымъ важнымъ дѣломъ, завѣщаннымъ новому времени идеалистами 30 и 40 годовъ. Во второй томъ отнесены характеристики западниковъ и славянофиловъ на томъ основаніи, что споръ этихъ двухъ направлений, начавшійся въ прежнюю эпоху, далеко не былъ тогда законченъ, а въ новое время открылась возможность, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, примѣнить свои теоретическія построения на дѣлѣ.

Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія ¹⁾.

Изученіе русской литературы XVIII и начала XIX вѣка, опредѣляя сильнѣйшее западное вліяніе какъ на развитіе нашей общественной мысли, такъ и на способы ея выраженія, устанавливаетъ между прочимъ такіе факты, что литературное заимствованіе является у насъ почти всегда въ видѣ крайне слабой копіи своего западнаго образца, и притомъ оказывается часто въ значительной степени запоздалымъ, такъ что заимствовались иногда такія идеи и формы, которыя на Западѣ представлялись уже давно устарѣлыми и оставленными. Такое ослабленіе оригиналовъ западнаго умственнаго движенія и запоздалость заимствования объясняются, конечно, прежде всего нашей неподготовленностью къ воспріятію идей, выработанныхъ на Западѣ долгимъ процессомъ его цивилизаціи, процессомъ, по отношенію къ которому мы держались совсѣмъ въ сторонѣ, пока мощная рука Петра Великаго не подняла завѣсу, отдѣлявшую насъ отъ европейскаго міра. Съ этого момента мы становимся сперва въ положеніе зрителей, людей, наблюдающихъ за ходомъ западнаго духовнаго развитія, но не принимающихъ въ немъ почти никакого участія уже потому, что этотъ процессъ для насъ совершенно чуждъ и непонятенъ. Мы совсѣмъ не подготовлены къ его пониманію, и чтобы достигнуть этого пониманія, намъ нужно усвоить результаты всего предшествовавшаго развитія, надо начать учиться прямо азбукѣ. Уже не разъ указывалось, что первое время нашего сближенія съ Западомъ пошло на усвоеніе чисто матеріальной стороны его культуры, но и въ эту пору заимствованіе распространяется отчасти на идеи, только идеи берутся такія, которыя и на Западѣ уже сложены въ архивъ, пере-

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20 января 1896 г.

водятся устарѣлыя книжки. Такимъ внѣшнимъ характеромъ заимствования объясняется у насъ и роль псевдоклассицизма; мы взяли только форму, тогда какъ идейное содержаніе классическаго направления, имѣвшаго мысль политическаго и общественнаго движенія, осталось намъ совсѣмъ чуждымъ.

Подобно нашему ложноклассицизму, въ видѣ блѣдной и запоздалой копіи западнаго образца являются у насъ просвѣтительная философія XVIII вѣка и тѣсно съ нею связанный сентиментализмъ. Изслѣдователи русской литературы Екатерининской эпохи, какъ характерную ея особенность, отмѣчаютъ заимствование съ Запада именно идей, но при этомъ далеко не ясно, какой метаморфозѣ подвергались заимствованныя идеи на русской почвѣ. На своей родинѣ просвѣтительная философія имѣла огромное влияние, увлекла своей пропагандой все общество и привела къ коренному переустройству политическихъ и соціальныхъ отношеній, тогда какъ у насъ, насажденная правительственными усиліями, она оказала воздѣйствіе на самый ограниченный кружокъ выдающихся умовъ и отразилась въ либеральныхъ фразахъ Екатерининскаго «Наказа», да въ нѣсколькихъ неважныхъ официальныхъ мѣропріятіяхъ. Какъ ни ничтожны результаты влияния у насъ просвѣтительной философіи, и какъ бы ни казались блѣдными произведенія нашихъ ея адептовъ сравнительно съ западными образцами, во всякомъ случаѣ польза, принесенная ею, несомнѣнна, такъ какъ она дала толчокъ развитію нашей самостоятельной мысли, направивъ ее на путь изслѣдованія нуждъ и критики недостатковъ русской жизни и этимъ содѣйствуя сближенію литературы съ реальными потребностями русскаго общества.

Екатерининское правительство, само вызвавъ движеніе и увидавъ, къ какимъ результатамъ привелъ сходный процессъ на Западѣ, измѣнило свое отношеніе къ литературѣ, и то, что раньше усиленно поощрялось, теперь оказалось преступнымъ и подвергалось энергичному преслѣдованію. Но, какъ говоритъ поэтъ, «лишь духу власть духа дана», посѣвъ былъ сдѣланъ, и даль хотя слабыя всходы, но такіе, которыхъ не въ силахъ уничтожить никакая репрессія, ни суровыя мѣры Екатерины, ни даже еще болѣе крутой образъ дѣйствія императора Павла I, когда былъ воспрещенъ «впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы онѣ языкѣ ни были, безъ изыятія», и даже музыкальныхъ произведеній, причемъ, конечно, имѣлись въ виду ходячіе тогда револю-

ціонные напѣвы. Замѣчательно, что даже въ эту эпоху крайняго утѣсненія мысли иногда проскальзывали въ журналахъ совсѣмъ непозволительныя тирады. Такъ, въ первомъ номерѣ «Политическаго Журнала» на 1790 годъ, издававшася осторожнымъ профессоромъ московскаго университета, Сбхацкимъ, мы читаемъ слѣдующую чрезвычайно характерную и краснорѣчивую оцѣнку современныхъ политическихъ событій въ Европѣ:

«Въ 1789 году весь свѣтъ былъ потрясенъ столь сильно, что вездѣ открылись чрезвычайныя движенія, и произошло въ Европѣ начало *новой эпохи человѣческаго рода*. Послѣ многихъ столѣтій 1789 годъ есть самый достопамятный. Со времени крестовыхъ походовъ никогда еще не было такой эпохи, какъ сія, въ которой бы *политическое мнѣніе* распространилось и промчалось чрезъ всю Европу съ толикою живостью и соучаствованіемъ. Духъ *свободы* учинился воинственнымъ при концѣ XVIII, какъ духъ *религіи* при концѣ XI вѣка. Тогда вооруженною рукою возвращали святую землю, нынѣ святую свободу. Тогда ратовали противъ Саладиновъ, нынѣ противъ собственныхъ государей. Французы брали тогда крѣпости у *невѣрныхъ королей*, нынѣ брали они ихъ у *христіаннѣйшаго*. Какъ тогда, такъ и теперь энтузіазмъ превратился во многихъ головахъ въ крушеніе и фанатизмъ. Отсѣкали людямъ головы, грабительствовали и разрушали дома и крѣпости, дабы показать права человѣчества... Но при сильныхъ превращеніяхъ невозможно избѣгнуть буйныхъ излишествъ»²⁾.

Литературное движеніе не могло окончательно заглухнуть, но вынуждено было притихнуть, принять нѣсколько иную форму, и такой-то новой формой является *сентиментализмъ*, замѣчающійся изрѣдка въ литературѣ и до начала репрессіи. Родоначальникомъ западнаго сентиментализма былъ Ричардсонъ. Его романы кажутся намъ теперь безконечно длинными, скучными, и нужно имѣть большое терпѣніе, чтобы осилить его романическую трилогію, но совсѣмъ не такое впечатлѣніе производилъ онъ на своихъ современниковъ: они съ увлеченіемъ зачитывались его романами, и причина этого увлеченія кроется въ томъ, что Ричардсонъ сказалъ въ своей области новое слово, выступилъ союзникомъ философъ XVIII вѣка въ сферѣ нравственной. Приторная чувствительность и длинноты изложенія романовъ Ричардсона нашли строгаго судью въ лицѣ Вольтера, но и этотъ строгій критикъ въ

²⁾ Все курсивы въ этой цитатѣ принадлежатъ подлиннику.

своихъ драматическихъ произведеніяхъ идетъ по слѣдамъ Ричардсона и пишетъ «Нанину», которая, по мѣткому замѣчанію Лессинга, есть не что иное, какъ драматизированная Ричардсоновская «Памела». Дидро и Руссо относятся къ Ричардсону уже совсѣмъ не такъ, какъ Вольтеръ: Дидро сравниваетъ его съ Моисеемъ, Софокломъ, Эврипидомъ, говоритъ, что впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ «Клариссы», было такъ неотразимо сильно, что онъ не могъ работать и представлялся своимъ друзьямъ человѣкомъ, находящимся въ ненормальномъ состояніи. Руссо уподобляетъ Ричардсона Гомеру и беретъ его себѣ за образецъ въ «Новой Элоизѣ». Настолько же сильнымъ оказывается впечатлѣніе, произведенное романами Ричардсона въ Германіи. Основу этихъ романовъ составляетъ гуманность, признаніе интереса во всякой человѣческой личности, какъ таковой, независимо отъ ея соціальнаго положенія, а этимъ и должно объяснить успѣхъ сентиментализма. Кромѣ этого, не слѣдуетъ забывать, что истинный сентиментализмъ нисколько не исключалъ юмористическаго отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, какъ это видно изъ знаменитаго «Путешествія» Стерна. Въ сентиментализмъ не было первоначально той односторонности, благодаря которой онъ и на Западѣ обратился во что-то уродливое, когда на первый планъ выступила слащавая чувствительность, а поэтому и понятно, что въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ это литературное направленіе должно было быть однимъ изъ сильныхъ орудій европейскаго прогресса.

Обращаясь къ русскому сентиментализму, мы замѣчаемъ, что и онъ, какъ и всякое другое заимствованное теченіе нашей литературы, оказался блѣдной копіей съ своего западнаго оригинала. Мы и въ этомъ случаѣ заимствовали почти одну внѣшность, мы стали копировать не основу движенія, а тѣ искаженія, которымъ оно подверглось на родинѣ. Произошло это отчасти и отъ нашей неподготовленности, а главнымъ образомъ отъ того новаго отношенія правительственныхъ круговъ къ литературѣ, какое обнаруживается со второй половины царствованія Екатерины. Какъ всегда бываетъ съ неумѣлыми подражателями, мы пересолили, впади въ шаржъ, карриатуру, и если, читая Ричардсона, испытываешь теперь нѣкоторую скуку, то перечитывая нашихъ сентименталистовъ, трудно иногда удержаться отъ иронической улыбки: до того они представляются натянутыми, неестественными, слащавыми. Но не слѣдуетъ торопиться съ такимъ насмѣшливымъ осужденіемъ, такъ какъ иногда мысль, кажущаяся намъ черезчуръ наивной, въ

свое время совсѣмъ не была смѣшна, а имѣла подчасъ и очень серьезный смыслъ. Такъ, напримѣръ, мы всѣ привыкли иронически относиться къ знаменитой фразѣ Карамзина: «вѣдь и крестьянки чувствовать умѣютъ!» но, подсмѣиваясь надъ этой фразой, мы забываемъ, что, признавая возможность человѣческихъ чувствъ и въ крестьянахъ, она для многихъ была дѣйствительно чѣмъ-то новымъ въ ту эпоху, когда вполнѣ естественнымъ казалось не менѣе знаменитое восклицаніе г-жи Простаковой относительно дворовой дѣвки Палашки: «Бредить, бестія! какъ будто благородная!»

Какъ ни слабо, однако, проявилось у насъ сентиментальное направленіе, но и ему трудно было свободно развиваться, и оно не имѣло почти никакого простора: Карамзину приходилось признаваться, что онъ «умираетъ авторски»; даже «Письма русскаго путешественника» не могли выйти въ полномъ своемъ объемѣ въ царствованіе императора Павла, и только въ 1801 году были напечатаны двѣ послѣднія части этихъ писемъ. Въ виду такого стѣсненія всякаго проявленія общественной мысли, весьма естественной была общая радость при восшествіи на престоль 12-го марта 1800 года императора Александра I, объявившаго въ своемъ манифестѣ о намѣреніи править «по законамъ и по сердцу» своей бабки, императрицы Екатерины Великой. Карамзинъ говоритъ, что «вѣсть объ этомъ событіи была въ цѣломъ государствѣ вѣстью искупленія; въ домахъ, на улицахъ, люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія». Литература живо отозвалась на это общее ликованіе. Державинъ привѣтствовалъ новаго государя одой, въ которой очень прозрачно намекалъ на предшествовавшую мрачную эпоху.

Замолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ,
На лицахъ Россювъ радость блещеть.

Александръ въ этой одѣ называется «ангеломъ кротости и мира, любимымъ сыномъ благихъ небесъ», и о немъ говорить своимъ подданнымъ Екатерина, появляющаяся въ облакахъ:

Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ цари,
Внимать мы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь.
Вы сами отъ себя тергѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Въ такомъ же восторженномъ духѣ привѣтствовалъ новаго императора и Карамзинъ, сравнивая Александра съ ангеломъ Божиимъ, сіяющимъ благостью и красотой, уподобляя его воцаренію явленію «милая весны», которая

Съ собой приноситъ намъ забвеньё
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Обращаясь къ монарху, писатель въ порывѣ радостнаго энтузіазма высказываетъ такія надежды, одушевлявшія современное русское образованное общество:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой счастливъ человѣкъ—
И блескомъ твоего правленья—
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы къ трону приступаю
И черный грѣшъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждуть!

Обращеніе Екатерины къ своему внуку, который является прямымъ наслѣдникомъ ея духа, помимо Державинской оды, встрѣчается въ произведеніи юнаго бакалавра московскаго университета, А. Ѳ. Мерзлякова. Екатерина говоритъ Александру:

Я для тебя, мой внукъ преславный,
Хранила мой народъ избранный
И лавры для тебя рвала.
Въ чертогъ радости небесной
Я слышала въ душѣ своей
Россіи каждый вздохъ сердечный,
И каждая слеза отъ ней
Мое блаженство отравляла.
Теперь (чего давно желала)
Въ тебѣ, тобой жить буду я!

Новая эпоха, наступившая для Россіи съ воцареніемъ Александра, сулитъ поэту прекращеніе всѣхъ бѣдствій, омрачавшихъ жизнь русскаго общества въ недавнее время:

Утѣштесь, чада бѣдъ и муки!
Нѣтъ ни страданій, ни разлуки!
Отецъ, спѣши къ своимъ сынамъ,
Братъ съ братомъ нѣжно обймися.

Эти бурныя, неумѣренныя выраженія восторга и самыхъ радужныхъ надеждъ, высказывавшіяся образованными людьми различныхъ взглядовъ и направленій, прекрасно характеризуетъ пере-

ходъ отъ тягостной поры пригнетія мысли къ первому времени царствованія Александра. На престолъ вступилъ человѣкъ, воспитанный Лагарпомъ и Муравьевымъ въ духѣ либеральныхъ ученій XVIII вѣка, окруженный молодыми сподвижниками, носившими самые смѣлые планы переустройства Россіи на основаніи гуманныхъ теорій «Духа законовъ» и «Общественнаго договора». Рядъ милостей, ознаменовавшихъ начало царствованія, рядъ либеральныхъ реформъ, проводившихся въ первые годы Александровской эпохи, возбуждалъ сильнѣйшее движеніе общественной мысли, получившей теперь возможность открыто высказываться. Въ своемъ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ Великой» Карамзинъ, позабывъ тяжелое время конца царствованія Екатерины и исчисляя заслуги государыни, особенно подчеркиваетъ, что Екатерина «образовала государственную систему монархической Россіи, согласную съ истиннымъ счастьемъ *человѣка*, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ и которое навсегда уничтожилось Екатериною»; что «она уважила въ подданномъ санъ *человѣка*, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни, она преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долготѣнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ російскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель». Въ этихъ словахъ заключается не только историческій панегирикъ Екатеринѣ, въ нихъ не какой-нибудь слабый намекъ на современность, а прямое, опредѣленное указаніе новаго пути, по которому пошло современное общественное движеніе. Карамзинъ основалъ журналъ, въ которомъ свободно обсуждаетъ разные общественные вопросы, преимущественно то, что касается просвѣщенія, такъ какъ на эту сторону государственнаго быта было обращено особенное вниманіе правительства.

Заботы правительства о народномъ образованіи выразились въ учрежденіи университетовъ и гимназій, въ планѣ общаго устройства народнаго просвѣщенія. Литература шла навстрѣчу этимъ мѣрамъ правительства, разъясняя ихъ значеніе обществу, а съ другой стороны, поднять былъ правительствомъ же вопросъ о предоставленіи литературѣ свободы въ обсужденіи разныхъ общественныхъ дѣлъ.

Необходимость расширения рамок печатнаго обсуждения со- знавалась многими въ тогдашнемъ обществѣ, какъ это видно изъ напечатанной академикомъ М. И. Сухомлиновымъ анонимной за- писки 1804 г., авторъ которой говоритъ: «Истинные сыны оте- чества ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связываю- щаго истину рабскими узами». Результатомъ этого стремленія правительства къ облегченію печатнаго слова былъ новый цен- зурный уставъ 1804 г., въ 21-мъ параграфѣ котораго говорится: «Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочиненія образомъ, нежели его преслѣдовать»; а слѣдующій па- раграфъ прямо гласитъ: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины... не только не подлежитъ и самой умѣренной стро- гости цензуры, но пользуется совершенною свободою печати, воз- вышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ связи съ заботами о народномъ просвѣщеніи былъ под- нятъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ книгѣ Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» между этими двумя вопросами устанавливается тѣснѣйшая зависимость, такъ какъ просвѣщеніе, по мнѣ- нію автора, выражается не въ количествѣ ученыхъ и писателей, а въ охраненіи правъ собственности и личной безопасности граж- данъ; крѣпостное же право является отрицаніемъ этихъ правъ за очень большимъ классомъ земледѣльцевъ, а потому правитель- ство, стремясь къ распространенію истиннаго просвѣщенія, должно оградить права крестьянской собственности. Помимо этого весьма логическаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ книгѣ Пнина, вопросъ этотъ, какъ и при Екатеринѣ, дѣлается предметомъ ста- тей многихъ публицистовъ, которые разрѣшаютъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, приходятъ иногда къ заключеніямъ, могущимъ намъ казаться неправильными, ошибочными; но важно уже то, что вопросъ возбужденъ и, хоть не на долгое время, сталъ предметомъ гласнаго обсуждения.

Такимъ образомъ, общественные и политическіе вопросы снова, какъ въ Екатерининскую эпоху, дѣлаются предметомъ обсуждения литературы, и такъ какъ правительство, вызвавшее это обсужденіе, было настроено въ либеральномъ смыслѣ, то боль- шинство нашихъ представителей литературы высказывается въ томъ же направленіи. Однако, этотъ либерализмъ уже въ эту пору начинаетъ вызывать нѣкоторые протесты, и его западническая

скраска очень легко даетъ возможность его врагамъ противопоставить планамъ различныхъ преобразований вопросъ о народности.

Этотъ самый жгучій вопросъ затрагивается въ нашей литературѣ и раньше, особенно сильно при Екатеринѣ II, но въ сущности онъ былъ поставленъ на очередь еще въ до-Петровскую эпоху, когда начиналось у насъ культурное воздѣйствіе Запада. Многое въ нашемъ расколѣ объясняется противодѣйствіемъ западнымъ новшествамъ, возбуждавшимъ серьезныя опасенія москвичей еще въ XVII вѣкѣ. Желѣзная воля Петра Великаго, сознававшего необходимость заимствовать просвѣщеніе съ Запада, такъ какъ другого источника не было, смирила противодѣйствіе старорусской партіи; но послѣ него не разъ проявляются попытки вернуться къ народной старинѣ. Каждый разъ, какъ правительство признаетъ нужнымъ обратиться къ новымъ заимствованиямъ съ Запада, въ обществѣ раздаются отдѣльные голоса, осуждающіе такія заимствования и элегически восхваляющіе отжившую старину. Критика заноснаго просвѣщенія особенно сильна въ сатирическихъ журналахъ царствованія Екатерины, у Щербатова же и Болтина мы можемъ даже указать нѣчто въ родѣ славянофильства. Всѣ эти панегиристы «добрыхъ старыхъ нравовъ», нападая на западное просвѣщеніе и обвиняя его въ ухудшеніи нашихъ нравовъ, не замѣчаютъ того, что они нападаютъ на искаженіе этого просвѣщенія, которому оно подвергается у насъ, или на такія его стороны, которыя осуждаются и на Западѣ и которыхъ, слѣдовательно, намъ не было никакой нужды перенимать; а при этомъ, относясь критически къ недостаткамъ нашихъ заимствованій, панегиристы старины совсѣмъ умалчивали о хорошихъ сторонахъ заимствованнаго.

Такъ было при Екатеринѣ, и то же самое повторяется въ первые годы царствованія Александра, при чемъ представителямъ партіи, враждебной новизнамъ, легко было опираться на сильное возбужденіе патріотическаго чувства, вызванное борьбой съ Наполеономъ. Въ литературѣ оживляются нападки на галломанію, однако, новыхъ, оригинальныхъ сатирическихъ образовъ не создается, а выдвигаются съ незначительными измѣненіями старыя знакомыя, осмѣяныя Екатерининской литературой. Нѣкоторый отголосокъ того же остраго вопроса о народности мы видимъ въ литературномъ спорѣ о старомъ и новомъ слогѣ, спорѣ, поднятымъ Шишковымъ и его послѣдователями противъ карамзини-

стовъ. Споръ о стилистическихъ особенностяхъ Шишковъ связывалъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ иноземномъ вліяніи на наше духовное развитіе и обвинялъ своихъ противниковъ въ безнравственности, безвѣрїи, отсутствіи патріотизма. Вотъ какъ говорить онъ о воспитаніи нашего общества: «какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся въ рукахъ французовъ, примѣняются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій». Самый лучший воспитатель изъ иностранцевъ не можетъ внушить своему ученику любви къ отечеству,—каковъ же будетъ результатъ, спрашивалъ Шишковъ, «если положимъ въ немъ (т. е. въ воспитателѣ) еще худые нравы, наклонность къ безвѣрїю, своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, челоуѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы?» Во всемъ этомъ много вѣрнаго: дѣйствительно, національный элементъ необходимъ въ воспитаніи, и иноземные учителя очень часто были плохи, но гдѣ же было взять своихъ учителей? Вѣдь нельзя же было довольствоваться Цыфиркиными и Кутейкиными!

Въ приведенныхъ словахъ Шишкова обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «начальствующее безначаліе», — не хотѣлъ ли этими словами Шишковъ обозначить на своемъ оригинальномъ языкѣ конституцію?

Если это такъ, то мы подходимъ къ тому политическому вопросу, который вызвалъ появленіе въ свѣтъ знаменитой Карамзинской «Записки о древней и новой Россіи». Увлекавшійся въ былое время западничествомъ, космополитизмомъ, и даже при воцареніи Александра высказывавшій отчасти конституціонныя мысли, Карамзинъ подъ вліяніемъ изученія русской исторіи, критикуя современное русское общественное движеніе, становится патріотомъ и представляетъ императору Александру записку, въ которой, предостерегая его отъ излишняго увлеченія либеральными планами, излагаетъ свой взглядъ на историческое образованіе государственнаго строя Россіи и на современныя ея потребности. Любопытно здѣсь осужденіе реформы Петра, предъ которой Карамзинъ прежде преклонялся. «Имя русскаго,—говоритъ Карамзинъ,—имѣеть ли для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила

и его сына, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россиянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь— первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ; но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и его нравственной силѣ! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвастаться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Но тогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; спрашиваю, кому бы легче было покорить Россію—невѣрнымъ или братьямъ? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Θεодорѣ вельможа російскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ видомъ на вѣкъ оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною—Петръ».

Это осужденіе Петровской реформы до извѣстной степени сближаетъ Карамзина съ позднѣйшимъ славянофильствомъ, но только до извѣстной степени, такъ какъ славянофилы осуждали только нѣкоторыя стороны реформы, а та чрезмѣрная идеализація Россіи, то затушевываніе грѣховъ до-Петровской Руси и то исключительное превознесеніе русскаго народа предъ всѣми другими, которыя появляются въ «Запискѣ» Карамзина, совсѣмъ чужды славянофиламъ. Въ этомъ случаѣ Карамзинъ въ своей запискѣ гораздо болѣе подходитъ къ тому выраженію нашего патриотизма, которое характеризуется именами націонализма и казенной народности. И дѣйствительно, въ ту эпоху довольно опредѣленно выяснилось только два направленія нашей политической мысли: западничество и теорія казенной народности; что же касается славянофильства, какъ стройной философско-политической системы, то оно совсѣмъ еще не сложилось, хотя отдѣльные его элементы можно указывать и у Карамзина, и у Шишкова, и у явившихся позже декабристовъ.

Правительство, къ которому въ спорѣ обращались обѣ партіи, до 1812 г. было настроено въ либеральномъ духѣ, предоставляло литературѣ самой разбираться въ волновавшемъ ее спорѣ, придерживалось по отношенію къ ней политики невмѣшательства, тѣмъ болѣе, что крайняя умѣренность тогдашней литературы и не могла требовать такого вмѣшательства, хотя по временамъ въ

дѣйствіяхъ правительства проглядываетъ нѣкоторая непослѣдовательность. Такая непослѣдовательность обнаружилась по отношенію къ упомянутой книгѣ Пнина, которая вскорѣ послѣ печатанія подверглась запрещенію, а также въ отношеніи къ мистицизму, усиливавшемуся въ первые годы царствованія Александра. Дать общее опредѣленіе этого мистическаго движенія крайне трудно, въ немъ съ самаго начала замѣчалось очень много оттѣнковъ, но въ большинствѣ писаній нашихъ мистиковъ сущность ихъ проповѣди сводилась къ борьбѣ противъ «лжеименнаго разума», т. е. противъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, такъ что въ этомъ отношеніи мистики близко сходились съ представителями тогдашнихъ теорій народности. Но правительство смѣшивало мистиковъ съ опасными революціонерами, иллюминатами, и съ 1806 г. начинаетъ запрещать мистическія сочиненія; очень можетъ быть, что, преслѣдуя мистицизмъ, правительство желало оказать поддержку либерализму, хотя не совсѣмъ либеральными мѣрами. Какъ бы то ни было, правительство все же оставляетъ нѣкоторую свободу литературѣ, и такъ идетъ дѣло до 1812 г., когда во всей внутренней политикѣ замѣчается рѣзкій поворотъ къ другимъ началамъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому новому фазису исторіи литературы Александровской эпохи, надо сказать нѣсколько словъ о положеніи чисто художественной литературы въ разсмотрѣнный періодъ. Въ этой области особенно яркаго оживленія покуда не видно, такъ какъ дѣйствуютъ преимущественно представители старыхъ литературныхъ направлений: допѣваетъ свои пѣсни маститый Державинъ, около котораго группируются продолжатели псевдоклассицизма; Крыловъ окончательно останавливается на той формѣ выраженія своихъ взглядовъ, которая его обезсмертила, но въ сущности онъ повторяетъ то же, что говорилъ еще въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ болѣе ранней поры, являясь представителемъ непосредственно-народнаго направленія; Карамзинъ отдается публицистикѣ и исторіи, а его послѣдователи доводятъ нашъ сентиментализмъ до полнаго вырожденія, такъ что на смѣну ему должно выступить новое литературное теченіе. Такимъ новымъ теченіемъ оказывается романтизмъ Жуковскаго, представляющійся въ началѣ такимъ же блѣднымъ подражаніемъ западному образцу, какимъ были другія болѣе раннія заимствованія, и въ первое время отличающійся отъ сентиментализма только обстановочной стороной своихъ произведеній, а по идеямъ очень къ

нему близкій. Нельзя не упомянуть, что въ эту же пору начинается дѣятельность Батюшкова, которая оказала такое благотворное вліяніе на творчество Пушкина, и теперь же появляются первые наши реалисты въ лицѣ Беницкаго и Нарѣжнаго. Въ дѣятельности всѣхъ этихъ писателей опять таки видно сильное западное вліяніе съ тою же характерною чертой ослабления оригиналовъ.

Отечественная война и послѣдовавшій за нею заграничный походъ, содѣйствуя сильнѣйшему подъему патріотическаго чувства, имѣли помимо того огромное вліяніе и на императора Александра, и на русское общество, вызвавъ въ первомъ поворотъ къ новымъ убѣжденіямъ и расширивъ и укрѣпивъ во второмъ пониманіе тѣхъ идей, которыя высказывались правительствомъ въ началѣ царствованія. Вотъ какъ говоритъ объ измѣненіи общественнаго настроенія Фонвизинъ въ своихъ «Запискахъ»: «Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціей, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнить все видѣнное ими за границею, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство». По свидѣтельству современниковъ, въ быту гвардейскихъ офицеровъ произошла коренная перемѣна; прежняя веселая, разсѣянная жизнь, проходившая въ кутежахъ, картежной игрѣ и въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, не могла удовлетворять этихъ молодыхъ людей, у которыхъ явились болѣе серьезные запросы, пробудилось стремленіе къ знанію, интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Такъ какъ большинство этой молодежи состояло изъ военныхъ, то новое ея направленіе должно было первымъ долгомъ отразиться въ сферѣ служебной, въ отношеніяхъ дисциплинарныхъ, которыя стали гораздо мягче, такъ что во многихъ полкахъ совсѣмъ оставлены были суровыя тѣлесныя наказанія, бывшія до того въ большемъ ходу. Но одной военной сферой вліяніе новыхъ идей не могло ограничиться, выдвинулся опять впередъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, и теперь этотъ вопросъ получаетъ самое правильное разрѣшеніе въ смыслѣ признанія необходимости освободить крестьянъ съ землей. Устройство суда, упорядоченіе администраціи, широкое распространеніе просвѣще-

нія въ народѣ—таковы идеальные запросы, волновавшіе молодежь во второй половинѣ царствованія Александра. Очень часто въ этихъ мечтаніяхъ проявлялось кое-что незрѣлое, непродуманное, часто эти толки уподоблялись тому шуму, которымъ отличался кружокъ Репетилова, часто слово не соответствовало дѣлу, такъ что могло вызвать колкую эпиграмму поэта:

А глядишь, нашъ Мирабо
Стараго Гаврилу
За измятое жабо
Хлещеть въ усъ да въ рыло.

Всѣ такіе укоры вполне возможно дѣлать тогдашнему общественному движенію, но не надо забывать, что рядомъ съ извращеніями, рядомъ съ фразерствомъ однихъ, у другихъ проявлялись самыя серьезныя стремленія улучшенія общественнаго быта, рядомъ съ говоруномъ Репетиловымъ стоялъ искренній, убѣжденный идеалистъ Чацкій.

Параллельно съ этимъ возбужденіемъ общественнаго сознанія растетъ и литературное движеніе и принимаетъ новыя формы. Тотъ романтизмъ, который, будучи заимствованъ у второстепенныхъ нѣмецкихъ писателей, являлся прежде у Жуковского въ формѣ довольно безсодержательной мечтательности, теперь подъ влияніемъ французскихъ романтиковъ и Байрона, значительно осложняется въ своемъ содержаніи, вноситъ въ литературу элементъ протеста противъ несовершенствъ окружающей жизни, сближаетъ литературу съ общественной жизнью, такъ что она получаетъ уже значеніе выразительницы идейной жизни и перестаетъ играть роль стилистическаго упражненія въ разныхъ родахъ поэзіи и прозы. Такой новый характеръ литературы находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ томъ обстоятельстве, что небольшой тогда кружокъ литераторовъ былъ въ тѣсной связи съ представителями разныхъ партій, увлеченныхъ вопросами общественными. Очень легко указывать не серьезную сторону въ занятіяхъ «Арзамаса», упрекать его членовъ въ отсутствіи интереса къ общественнымъ дѣламъ, но не слѣдуетъ забывать, что одинъ изъ самыхъ легкмысленныхъ членовъ этого общества, Пушкинъ, былъ въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ со многими изъ декабристовъ и въ этомъ періодѣ своей поэтической дѣятельности не разъ отзывался на «вольнлюбивыя мечты» тогдашняго образованнаго общества. Такъ, въ извѣстномъ стихотвореніи «Деревня», за которое между прочимъ приказалъ его благодарить

императоръ Александръ, Пушкинъ энергично возстаетъ противъ крѣпостного права:

Увижу-ль я друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря!

Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ говоритъ о тѣхъ общественныхъ стремленіяхъ, которыя одушевляли его такъ же, какъ и Чаадаева и многихъ другихъ современниковъ:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрнеть ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Другой арзамасецъ, кн. Вяземскій, пишетъ энергичное стихотвореніе «Негодованіе», въ которомъ сочувственно отзывается на преобразовательныя стремленія лучшей части русскаго общества.

Но въ то время, какъ въ обществѣ и литературѣ происходило движеніе, напоминавшее своимъ характеромъ первые годы царствованія Александра, въ самомъ императорѣ совершился переломъ, крайне неблагоприятный всѣмъ этимъ мечтамъ, происходила съ временными отклоненіями въ сторону реакція, сѣмена которой были посеяны еще до 1812 года. Правда, и послѣ отечественной войны время отъ времени, императоръ возвращается къ прежнимъ своимъ либеральнымъ идеямъ. Въ 1818 году, при открытіи варшавскаго сейма, Александръ произнесъ рѣчь, которая, по словамъ Карамзина, «сильно отозвалась въ молодыхъ сердцахъ» въ Россіи, такъ что многіе «слятъ и видятъ конституцію». Между прочимъ императоръ сказалъ членамъ сейма:

«Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволяло мнѣ немедленно ввести то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учреждений, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приуготовляю, и чѣмъ оно восполь-

зается, когда начала столь важнаго дѣла достигнуть надлежащей зрѣлости». Въ это же время, по порученію императора, Новосильцовымъ составлялся проектъ этихъ законно-свободныхъ учрежденій и для Россіи.

Но рядомъ съ подобными спорадическими проявленіями прежнихъ либеральныхъ идей, въ Александрѣ по отношенію къ внутренней политикѣ все ярче и ярче выражалось то направленіе, которое въ немъ выработалось подъ влияніемъ западныхъ реакціонеровъ и мистиковъ. Никогда не отличавшійся опредѣленностью своихъ религіозныхъ убѣжденій, склонявшійся раньше къ деизму французскихъ мыслителей, а впоследствии выработавшій себѣ туманный идеаль христіанства, который не соотвѣтствовалъ ни одному изъ дѣйствительныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, Александръ очень легко подпалъ влиянію г-жи Крюденеръ, этой Магдалины, которая экзальтированно посвятила его въ тайны протестантскаго мистицизма. Еще въ первые годы царствованія Александръ отчасти сочувствовалъ разнымъ нашимъ мистикамъ, теперь же, подъ влияніемъ баронессы Крюденеръ и разныхъ заѣзжихъ методистовъ и квакеровъ, пораженный величіемъ той исторической миссіи, которая выпала на его долю, онъ далъ полный просторъ въ своемъ царствѣ всѣмъ возможнымъ мистическимъ ученіямъ. Но мистицизмъ былъ воинствующимъ ученіемъ и, пользуясь покровительствомъ Александра и министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, вступилъ въ борьбу со всякимъ проявленіемъ мысли, сколько-нибудь несогласной съ его основными положеніями. Та протестантская окраска, которою отличался этотъ новѣйшій мистицизмъ, возбудила противъ себя, наконецъ, сильнѣйшія возраженія со стороны православной церкви, но пока не выступилъ со своими обличеніями архимандритъ Фотій, мистицизмъ продолжалъ господствовать. Фотій побѣдилъ, князь Голицынъ долженъ былъ уйти, но отъ этого мысль нисколько не выиграла, такъ какъ на мѣсто мистическаго изувѣрства явилось изувѣрство византійское, нисколько не соотвѣтствующее идеалу истиннаго православія, которое, по выраженію Хомякова, предполагаетъ «свободу мнѣнія и сомнѣнія».

Этотъ гнетъ въ области совѣсти, въ области религіозной, вполне соотвѣтствовалъ реакціонному направленію въ дѣлахъ свѣтскихъ, распоряженіе которыми цѣликомъ было передано въ руки гр. Аракчеева, этого «проклятаго змѣя», какъ его называли въ своихъ ~~исследованияхъ~~ Закревскій, Киселевъ и кн. П. М. Волконскій.

Аракчеевъ, Фотій, Голицынъ, Шишковъ—всѣ одинаково должны были бороться съ проявленіями свободной общественной мысли, такъ какъ въ нихъ видѣлось правительству отраженіе западныхъ революціонныхъ идей, пропагандировавшихся обществами иллюминатовъ, карбонаріевъ и т. п.

Мрачную и тяжелую картину представляетъ собой Александровское царствованіе во вторую свою половину по отношенію къ общественному сознанию и просвѣщенію, но новое развитіе литературы оказывалось прочнымъ, его ничѣмъ нельзя было уничтожить. Нѣсколько разноголосое тріо Аракчеева, Фотія, кн. Голицына становится мишенью цѣлага ряда мѣткихъ и злыхъ эпиграммъ Пушкина, противъ Аракчеева направляется напечатанное въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. стихотвореніе Рылѣва: «Къ временщику», въ которомъ поэтъ говоритъ между прочимъ:

Надменный времешникъ и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Внесенный въ важный санъ пронырствами злодѣя!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достоинныхъ хвалъ вѣнецъ!

Прочитавъ это рѣзкое обличеніе, общество содрогнулось, страшась за судьбу благороднаго смѣльчака, но временщикъ смолчалъ, не пожелавъ узнать себя въ этомъ изображеніи.

Но самое всестороннее, яркое и неотразимое обличеніе всего этого мрака и застоя уже было подготовлено, хотя не могло теперь еще выйти въ свѣтъ. Въ это время уже написана знаменитая комедія Грибоѣдова, эта «вѣчно юная красавица»³⁾, въ которой передъ нами выступаетъ восторженный борецъ—идеалистъ Чацкій (единственный идеальный типъ, выработанный нашей литературой XIX вѣка, по замѣчанію Гончарова) и громить общество Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Скалозубовъ; а въ этой средѣ просвѣщеніе подвергается такому же гоненію, какому оно подвергалось со стороны Магницкихъ, Фотіевъ и Аракчеевыхъ, дѣйствія и заявленія которыхъ прекрасно изображаются въ приговорѣ Фамусовскаго общества:

Ученость—вотъ чума!

³⁾ Выраженіе, принадлежащее профессору Московскаго университета Алексѣю Н. Веселовскому.

М 33854

и въ намѣреніи Скалозуба дать Репетиловскому кружку фельдфебеля въ Вольтеры. Въ комедіи этой несомнѣнно отразились многія западно-европейскія вліянія, но также несомнѣнно, что она произведеніе вполнѣ народное, такъ какъ ярко и полно выражаетъ жизненныя русскія подробности; что Чацкій, будучи вполнѣ просвѣщеннымъ европейцемъ, въ то же время горячо любитъ свою родину и желаетъ ей блага; а поэтому, заканчивая настоящій очеркъ, я позволю себѣ повторить въ нѣсколько расширенномъ видѣ положеніе, примѣненное академикомъ А. Н. Веселовскимъ къ народному эпосу, и измѣню его такимъ образомъ: «народная литература всякаго историческаго народа есть по необходимости международная», т. е. народная литература облечена на смерть, если она отдѣляется китайской стѣной отъ вліянія другихъ литературъ, и только воспринявъ вполнѣ это чужое вліяніе и претворивъ его въ своемъ духѣ, она можетъ предъявлять притязаніе на вліяніе на другія литературы, на равноправность въ общечеловѣческомъ обмѣнѣ идей, на внесеніе собственнаго вклада въ сокровищницу міровой цивилизаціи.

Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Екатерининская эпоха представляетъ намъ впервые одну очень характерную черту въ исторіи новѣйшаго русскаго прогресса, особенность, выражающуюся въ томъ, что правительственная власть беретъ на себя инициативу раскрѣпощенія русскаго общества, высказываетъ, повидимому, живѣйшую заботу о просвѣщеніи и движеніи впередъ, но какъ только въ самомъ обществѣ обнаруживается подобное же стремленіе, власть пугается и круто поворачиваетъ назадъ, первоначальные широкіе планы преобразований остаются неосуществленными, призывы къ прогрессу и прекрасныя обѣщанія оказываются безплодными словами, а дѣйствительность окрашивается въ самый мрачный цвѣтъ торжествующей реакціи. Однако общество, пойдя по призыву власти на новый путь, уже не можетъ повернуть назадъ, и продолжаетъ двигаться въ томъ направленіи, которое принято было имъ ранѣе. Движеніе, можетъ быть, нѣсколько замедляется, обществомъ овладѣваютъ апатія и растерянность, появляется нѣкоторое число малодушныхъ ренегатовъ, подлаживающихся къ новому курсу правительственной политики, но разъ сказанныя хорошія слова не забываются, и даже изъ нихъ дѣлаются нѣкоторые выводы, весьма существенные для дальнѣйшаго развитія, а главное, несмотря на ослабленіе передовыхъ борцовъ, новыми идеями захватываются все болѣе и болѣе широкіе круги народа. Подобный процессъ мы наблюдаемъ въ началѣ XIX вѣка, при императорѣ Александрѣ I, когда всѣ вѣрили въ силу вліянія его молодыхъ совѣтниковъ, потомъ въ «эпоху великихъ реформъ» императора Александра II, когда казалось, что освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ къ общему раскрѣпощенію; но въ первый разъ мы съ такимъ фактомъ встрѣчаемся при Екатеринѣ II.

Рѣшившись вскорѣ послѣ вступленія на престоль созвать знаменитую комиссію для составленія новаго уложенія, написавъ для этой комиссіи «Наказъ», Екатерина явилась первой пропаган-

дисткой въ Россіи освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей современныхъ европейскихъ философовъ и государствѣдвовъ. Приближенные къ ней люди приходили въ ужасъ отъ тѣхъ «аксіомъ, способныхъ потрясти стѣны», которыми былъ переполненъ «Наказъ» и рѣшительно протестовали не только противъ освобожденія крестьянъ, но даже и противъ мѣръ правительства къ улучшенію ихъ положенія. Въ любопытной полемикѣ съ Сумароковымъ, Екатерина обнаружила вполне ясное пониманіе ненормальности крѣпостныхъ отношеній, а въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ она показала современной литературѣ путь борьбы противъ невѣжества и произвола. Но медовые мѣсяцы либерализма не были продолжительны, и императрица скоро стала охлаждать къ увлекавшимъ ее освободительнымъ идеямъ, видя въ нихъ нѣчто опасное для своей власти. Уже законодательная коммиссія зашла, по мнѣнію императрицы, слишкомъ далеко, а литература не могла удовольствоваться одной «улыбательной» сатирой, которая допускалась императрицей, заговорила очень рѣзкимъ тономъ и этимъ возбудила серьезныя опасенія. Еще болѣе страху нагнала пугачевщина, и, наконецъ, полная реакція должна была наступить при первыхъ же вспышкахъ великой французской революціи. Императрица окончательно отеклась отъ прежнихъ увлеченій, и всѣ тѣ люди, которые недавно вторили ея либерализму, вынуждены были или замолкнуть, или же приладиться къ новому настроенію императрицы.

Сперва, по отношенію къ увлекавшимся писателямъ-идеалистамъ, можно было ограничиваться словесными репримандами и легкими внушеніями быть осторожнѣе и умѣреннѣе, но дальше признано было необходимымъ прибѣгнуть къ суровымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Надежда на либерализмъ сверху была скоро уничтожена у Фонвизина, у Княжнина... За свои равностныя заботы о просвѣщеніи жестоко пострадалъ Н. И. Новиковъ, который въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ своихъ журналахъ былъ усерднѣйшимъ защитникомъ идей императрицы, и теперь оказался важнымъ государственнымъ преступникомъ, потому что не сумѣлъ отречься отъ этихъ идей. И въ такое время глухой реакціи выступилъ со своей знаменитой книгой Радищевъ, воспитавшійся подъ обаяніемъ лучшихъ идеаловъ начала царствованія, и какое горькое, трагическое разочарованіе ждало честнаго мечтателя!

Сынъ саратовскаго помѣщика, Радищевъ родился въ 1749 г. Отецъ будущаго писателя былъ человѣкъ хорошо образованный,

много читавшій и настолько гуманно относившійся къ крестьянамъ, что они сами защищали его во время пугачевщины. Весьма вѣроятно, что его вліяніе на образованіе убѣжденій сына было вполне благотворное. Домашнее воспитаніе и обученіе не было продолжительное, и Радищевъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ бралъ уроки у лучшихъ тогдашнихъ учителей и профессоровъ недавно открытаго университета. Въ 1762 г. онъ былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, но пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи не могло принести ему никакой пользы, такъ какъ, по отзыву императрицы Екатерины, пажи росли невѣждами и шалунами. Черезъ четыре года Радищевъ вмѣстѣ съ 11-ю молодыми дворянами былъ посланъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1774 года.

Несмотря на разныя неблагопріятныя условія заграничной жизни русскихъ молодыхъ людей, Радищевъ вынесъ изъ университетскаго преподаванія довольно обширный запасъ знаній и сумѣлъ себѣ выработать опредѣленное міросозерцаніе, въ духѣ господствовавшихъ тогда идей просвѣтительной философіи. Въ этомъ отношеніи особенно сильное вліяніе имѣлъ на него «вождь его юности», его товарищъ, Ф. В. Ушаковъ, рано скончавшійся молодой человѣкъ, біографія котораго была предметомъ одной изъ первыхъ литературныхъ работъ Радищева. Вмѣстѣ съ этимъ другомъ Радищевъ изучалъ сочиненія извѣстнаго матеріалиста Гельвеція и демократа Мабли, который для него навсегда остался величайшимъ авторитетомъ въ области политическихъ вопросовъ. Къ этому же времени, вѣроятно, относится знакомство Радищева съ сочиненіями Руссо, Монтескье и съ сентиментальнымъ направленіемъ европейской литературы, которое отразилось впоследствии на его собственныхъ произведеніяхъ. Заграничное пребываніе содѣйствовало укрѣпленію высокаго идеализма, или, по выраженію Радищева, «изящнаго ума». Люди, отличающіеся такимъ умомъ, «укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ путей и вдаются въ неизвѣстные и непроложенные. Дѣйствительность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ то сродное человѣку безпокойствіе становится ясно: безпокойствіе, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, адъ, рай, сатану, Бога».

Съ этимъ «безпокойствіемъ», съ этимъ «изящнымъ умомъ», Радищевъ, конечно, не могъ пойти тѣмъ «проложеннымъ путѣмъ», по которому двигались въ тѣ времена всѣ молодые дворяне, и это въ самомъ скоромъ времени должно было обнаружиться, какъ въ его службѣ, такъ въ особенности въ литературной дѣятельности. Вернувшись въ 1771 г. въ Петербургъ, Радищевъ поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ, черезъ два года онъ перешелъ на должность оберъ-аудитора при графѣ Брюссѣ; въ 1775 г. онъ женился и вышелъ въ отставку, но опять черезъ 2 года поступилъ на службу въ коммерцъ-коллегію, а съ 1780 г. до своей ссылки служить въ петербургской таможднѣ сперва помощникомъ управляющаго, а подъ конецъ и управляющимъ.

Во время службы въ коммерцъ-коллегіи и въ таможднѣ онъ близко сошелся со своимъ начальникомъ, президентомъ коллегіи, гр. А. Р. Воронцовымъ, и въ этомъ случаѣ ярко проявился столь характерный для него и столь необычный для окружавшей его среды, его идеализмъ, побудившій его стать на защиту праваго дѣла противъ властнаго мнѣнія самого начальства. Въ коммерцъ-коллегіи (передаетъ этотъ эпизодъ В. Е. Якушкинъ) разсматривалось дѣло о пеньковыхъ браковщикахъ, несправедливо обвинявшихся въ упущеніяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ (Беклемишевъ) и всѣ члены признали обвиненіе справедливымъ. Только младшій членъ коллегіи, Радищевъ, не присоединился къ общему приговору. Онъ подалъ особое мнѣніе, совершенно несогласное съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ президента. Беклемишевъ долго уговаривалъ Радищева отказаться отъ своего мнѣнія, не перечить президенту, указывая на то, какъ дерзко со стороны молодого человѣка, не имѣющаго никакихъ связей, возставать противъ мнѣнія могущественнаго начальника. Радищевъ не поддался этимъ доводамъ, прямо заявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться гоненію и оставить службу, но ни за что не согласится подписать несправедливый приговоръ. Долго не рѣшались доложить Воронцову объ упорствѣ младшаго члена коллегіи, новичка въ дѣлахъ. Наконецъ, Беклемишевъ доложилъ, Воронцовъ сначала очень разсердился, полагая, что несогласіе Радищева съ общимъ мнѣніемъ вызвано какимъ-нибудь корыстолюбивымъ видомъ, но всетаки прочелъ внимательно его мнѣніе, а потомъ захотѣлъ лично выслушать доводы младшаго ассессора. Послѣ разговора съ Радищевымъ Воронцовъ измѣнилъ свой взглядъ и браковщики были оправданы».

Подобные факты жестоко оскорбляли нравственное чувство Радищева, открывали ему поразительный контрастъ между его идеалистическими мечтаніями и русской мрачной дѣйствительностью, и это сильно отразилось на его душевномъ настроеніи. Явилось разочарованіе, которое онъ ярко характеризуетъ, обращаясь къ своему другу, А. М. Кутузову: «Вспомни,—говорить онъ,—наше нетерпѣніе зидѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, вспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли между, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не могу я марать бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ такого, и что не могли бы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О, вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единжды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою».

Это разочарованіе отразилось и на литературной дѣятельности Радищева. Она началась подъ вліяніемъ «жара», вынесеннаго изъ заграничныхъ занятій, а также, по странной ироніи судьбы, при одобреніи самой императрицы, которая впослѣдствіи карала его за тѣ же стремленія, что проявились у него въ это время. Учредивъ на свои личныя средства общество для перевода замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій, Екатерина привлекла къ занятіямъ общества и Радищева. Онъ перевелъ книгу любимаго своего автора, аббата Мабли «*Observations sur l'histoire de la Grèce ou des causes de la prospérité et des malheurs des Grècs*» (Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ). Къ этому переводу, заслужившему одобреніе императрицы, были присоединены нѣкоторыя примѣчанія, обнаруживающія свободолубіе переводчика. Такъ, переводя слово *désotisme* выраженіемъ «самодержавство», Радищевъ объяснилъ: «Самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не только не можемъ дать надъ собой неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣеть другого права наказывать преступниковъ, oprичъ права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властью законовъ, то сіе не

для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и наша природная власти, то дабы она употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его суди, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества».

Книга Мабли была издана 1773 г.; въ два слѣдующіе года Радищевъ много писалъ стиховъ «на нѣжные предметы», но потомъ не появляется въ печати до 1789 г.... О «нѣжныхъ предметахъ» писать не приходилось, казалось уже не кстати, такъ какъ окружающая обстановка наводила на очень мрачныя размышленія... Однако, за этотъ періодъ молчанія подготовляются важнѣйшія произведенія, въ которыхъ выражаются, какъ философскіе, такъ въ особенности политическіе взгляды Радищева. Въ 1782 г. имъ была написана небольшая брошюра, изданная только черезъ семь лѣтъ, подъ заглавіемъ «Письмо къ другу, жительствующему въ Tobольскѣ по долгу званія своего». Описывая въ этой брошюрѣ открытіе памятника Петру Великому и превознося его преобразованія, онъ упрекалъ Петра за «истребленіе вольности», хотя и оправдывалъ его тѣмъ соображеніемъ, что «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь добровольно упустилъ что-либо изъ своей власти, сѣдѣя на престолѣ». Прочтя впоследствии эту брошюру, Екатерина замѣтила: «Давно мысль его готовилась ко взятому пути».

Въ 1785 г. Радищевъ познакомился съ сочиненіемъ энциклопедиста, аббата Рейналя «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes». Книга увлекла его своимъ пафосомъ, и впоследствии, находясь въ заключеніи, онъ признавалъ ее «началомъ своего бѣдственнаго положенія». При свѣтѣ возродившихся въ немъ освободительныхъ идей, Радищевъ воспрянулъ духомъ, рѣшился идти на борьбу съ мракомъ невѣжества и безправія. Бороться возможно было только словомъ обличенія, и у Радищева зарождается мысль о новой, обширной литературной работѣ. Въ посвященіи своего сочиненія Кутузову, онъ изображаетъ свое настроеніе этого времени въ слѣдующихъ словахъ: «Я взглянулъ окрестъ меня, — душа моя страданіями чловѣчества уязвлена стала. Обративъ взоры во внутренность мою—я узрѣлъ, что бѣдствія чловѣка происходятъ отъ

человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣцаль я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блюдящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой встрепеталь отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашель утѣшителя въ немъ самомъ. Отыми завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду». Сей гласъ природы раздался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и — веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно быть всякому соучастникомъ въ благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого либо, кто намѣреніе мое одобрить, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мысли, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ — не сугубый ли плодъ превзойдетъ отъ подъятаго мною труда?»

Подъ вліяніемъ такого настроенія Радищевъ изобразилъ картину продажи съ аукціоннаго торга крѣпостныхъ людей, — очеркъ, составившій въ его книгѣ главу «Мѣдное». Въ очеркѣ представлена семья дворовыхъ людей: старикъ 75 лѣтъ, спасшій жизнь отца своего барина, бывшій дядькой барина и неоднократно спасавшій его самого; старуха 80 лѣтъ, выкормившая мать барина и бывшая его собственной нянькой; женщина 40 лѣтъ, кормилица барина; ея дочь и внучка стариковъ, женщина 18 лѣтъ, насильственно выданная за дворового человѣка и изнасилованная баринкомъ; ея ребенокъ, незаконнорожденный сынъ барина, и, наконецъ, грубый дѣтина, 25 лѣтъ, вѣнчаный ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина». Эти люди продаются враздробъ, какъ скоть, и Радищевъ невольно охватывается негодованіемъ. «Едва, — говоритъ онъ, — ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь — слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! Почти безплодное соболѣзнованіе! О, квакеры! Если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложились и, купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу. Живъ многія лѣта въ объятяхъ одинъ другого, несчастные сіи въ поносной